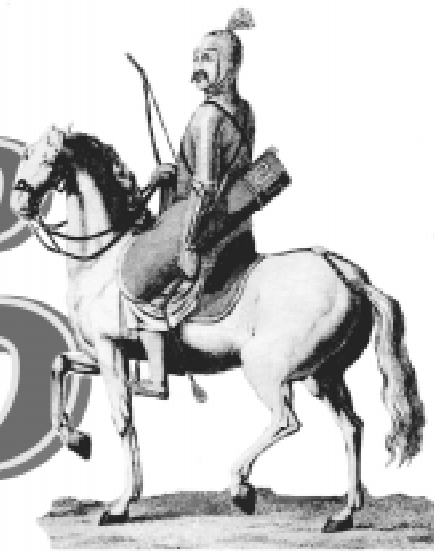


Дики адыгского прошлого



ИСТОРИЧЕСКОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ (выпуск 9)

145 лет назад — 21 мая 1864 г. — завершилась Кавказская война, одна из наименее изученных войн, которые вела российская империя в 18-19 вв. Протяженнейшая и кровавая драма завоевания Кавказа принесла не только неисчислимы страдания народам Северного Кавказа, но была также вековой незаживающей раной на теле русского народа. Кавказская война — характернейший пример того, как целые народы приносятся в жертву иррационально осмысленным геополитическим идеям.

После 1851 г. — года постройки Белореченского укрепления — наступательные действия наши за реку Лабу возобновились в апреле 1857 г., когда значительный отряд, под командованием генерал-майора Дебу, занял то место, на котором расположено теперь Майкопское укрепление. Я говорю «наступательные действия» в том смысле, что отряд двинулся с целью занять позицию, утвердиться на ней навсегда и, таким образом, дать начало устройству Белореченской линии, отрезавшей у горцев большое пространство земли между реками Лабой и Белой.

Между 1851 и 1857 гг. войска наши часто вторгались в залабинские земли, но это были набеги, по большей части, кордонных начальников, вызванные или слишком дерзкими хищничествами горцев, или желанием поживиться на счет их имущества. Такие набеги всегда сопровождался более или менее сильными перестрелками, но не приносили нам существенной пользы потому, что пройденные отрядом места, вслед за уходом войск, тотчас же занимались горцами и сожженные аулы выстраивались. Правда, горцы теряли много своего имущества и скота, но они скоро пополняли убыток мелкими хищничествами по всей нашей кордонной линии и, можно полагать, пополняли с лихвой.

В бесполезности набегов, кажется, убеждено было и само начальство, но, по необходимости, приходилось ограничиваться ими: для решительных действий войск было недостаточно. До Майкопского похода, в районе Лабинского округа, мы вели войну, можно сказать, оборонительную, стараясь оградить занятые нами линии от беспрестанных набегов беспокойных соседей. Сформирование после кампании 1853 — 1856 гг. двух новых полков, Крымского и Севастопольского, и перевод из Нальчика Кубанского полка, которому штаб назначался на реке Белой, дали возможность выйти из пассивного положения и принять образ действия, так удачно прилагавшийся уже тогда на левом фланге (в Дагестане. — Прим. С. Х.), т. е. постепенно подвигать наши линии в пределы горцев, укрепляя их за собой или вновь поселяемыми станицами.

Занятие места для Майкопского укрепления войскам стоило много трудов. Отряд очутился среди самого густого горского населения, а потому частые столкновения были неизбежны. Доставка в возникавшее укрепление необходимого для постройки леса, перевозка провианта и овса из станицы Тенгинской, косьба травы в окрестностях самого Майкопа, все это сопровождалось частыми и довольно жаркими перестрелками. Даже водопой не обходился никогда без жертв с нашей стороны. Левый берег Белой, насупротив лагеря, был покрыт дремучим лесом, постоянно занятым горцами, так что два раза в день приходилось выбивать их из него артиллерийским огнем, чтобы дать возможность напоить лошадей

В.* Воспоминание о зимней экспедиции Майкопского отряда. 1858 г.

и запастись людям водой для варки пищи. С убылью воды из Белой, решено было обеспечить водопой, вырубить лес на левом берегу до подножия хребта гор, отделяющего ущелье реки Белой от ущелья реки Курджипса. Решение было исполнено с сильными перестрелками, и вскоре легкий мост соединял Майкопское укрепление с блокгаузом, построенным на левом берегу Белой. С этого времени водопой стал почти безопасным; говорю «почти», потому что горцы не пропускали ни одного раза, чтобы не стрелять по водопою из крепостных ружей. Потеря наша была весьма незначительная, и, по необходимости, приходилось жертвовать несколькими людьми в месяц, так как занятие летом лесистой горы, постоянного приюта горцев, было бы сопряжено с большим уроном.

В ночь со 2-го на 3-е декабря я прибыл в отряд, чтобы заменить товарища, раненого в ноябре при движении от Белореченского укрепления в ущелье реки Пшехи. Выехав из станицы Тенгинской с колонной, конвоировавшей крепостную артиллерию и дивизион пешей артиллерии 18-й бригады, 1-го декабря, мы добрались до Майкопа только 2-го числа ночью. Почти весенний день выступления сменился зимним, с метелью, и к приходу нашему в Майкоп все окрестности были покрыты глубоким снегом.

В этот же день, когда значительная часть пехоты была переправлена на левый берег реки, генерал Козловский (командовавший войсками кубанской линии и Черномории), с частью кавалерии, сделал рекогносцировку Курджипского ущелья, бывшего до сих пор для нас terra incognita.

10-го декабря колонна, по обыкновению, выступила до рассвета и заняла место на горе без выстрела. Работы отошли уже далеко от ущелья, по которому тянулась горная тропа, и подвигались к другому ущелью, где проходила односторонняя армянская дорога. По странной случайности, цепь заняла не вершину горы, как делалось прежде, а была отодвинута вниз на некоторое расстояние, так что не только Курджипское ущелье, но даже и скат горы, обращенный к нему, были совершенно закрыты от стрелков. В полдень, горцы, собравшись на противоположной стороне, неожиданно заняли вершину хребта и бросились на цепь, состоящую из 3-го батальона Севастопольского полка, офицеры которого собрались обедать. Севастопольский полк, только что сформированный из линейных батальонов черноморской береговой линии, надо сознаться, не отличался тогда боевой слабой. 3-й батальон, увидев толпу горцев, бросившихся в шашки, смешался и повернул назад, открыв рабочих. Преследуя цепь, горцы обрушились на рабочих Кубанского полка, не успевших бросить топоры и разобрать ружья. Ротный командир, капитан Потулов, собрав около себя десятка три солдат, с криком «ура» бросился на горцев и отогнал их в лес; между тем, приведенный в порядок своими офицерами, 3-й севастопольский батальон поддержал команду Кубанского полка и горцы должны были отступить на гребень. Здесь бой закипел опять. С обычным умением пользоваться местностью, неприятель занял вершину горы и сильным огнем удерживал наши войска в почтительном расстоянии. Почему наша цепь, тесня горцев, не заняла тотчас же гребня горы, а остановилась на прежнем месте, мне не известно. Знаю только, что сильная перестрелка продолжалась до тех пор, пока генерал Козловский, выскакавший по первым выстрелам почти со всей кавалерией из

Майкопа, не зашел в тыл горцам в Курджипском ущелье. Кавалерия на рысях подскочила к ближайшему аулу Сала-Ахмет и, заняв его почти без выстрела, зажгла со всех концов. Увлеченные перестрелкой с цепью, прикрывавшей дровосеков, горцы сначала мало обратили внимания на движение нашей кавалерии, имея конечно в виду, что высоты, занимаемые ими, недоступны для конницы, и что они всегда могут отступить по вершине горы, покрытой сплошным лесом; но когда они увидели, что ближайший аул горит, и что кавалерия направляется вверх по Курджипсу, то немедленно прекратили перестрелку и с воплями бросились к своим жилищам. Наша цепь, вслед за отступлением их, заняла вершину, а генерал Козловский, видя, что его движение принесло желаемый результат, оставив до вечера небольшую наблюдательную колонну в Курджипском ущелье, с остальной кавалерией вернулся в лагерь.

Потеря наша в этот день была довольно значительная. Длинный ряд носилок потянулся с горы в укрепление и был встречен в воротах сердобольными женщинами, вышедшими посмотреть на перестрелку. Некоторые из них, в числе раненых и убитых, находили своих мужей или родственников и тогда носилки сопровождалась до госпиталя всхлипываниями и причитаниями...

К этому числу (23 декабря 1857 г. — Прим. С.Х.) снег выпал в пол-аршина, и морозы настали русские — крещенские. Хотя и следовало бы прекратить всякие работы и послать колонну, но обстоятельства, которых не сумели предугадать и отстранить, сложились так, что изменение принятого порядка могло оставить войска без провианта и фуража. Сено, заготовленное войсками отряда на зиму, приходило к концу. Нерасчетливый призыв кавалерии, конной и пешей артиллерии (отряд генерала Войццкого) к началу зимнего периода, помог уничтожению экстренного сена. Уже с 15-го декабря уменьшили обыкновенную дачу лошадям, а потому генерал Козловский обратился к удачно применявшемуся прежде способу продовольствовать отряд запашками, сделанными горцами. С этой целью была назначена колонна под командованием полковника Преображенского (ныне генерал-майор), в составе пяти или шести батальонов пехоты, двух взводов пешей артиллерии, четырех сотен казаков, взвода конной артиллерии и нескольких милиционеров в качестве проводников.

Колонна выступила из отряда после обеда 22-го декабря. Чтобы скрыть настоящую цель движения, она пошла по дороге между Длинным и Круглым лесом, служившей прежде путем сообщения с Тенгинской станицей. В сумерки колонна, пройдя оконечность Длинного леса, повернула направо и направилась к реке Уль. Движение ее было чрезвычайно медленно: изнуренные транспортные лошади становились на каждом шагу; глубокий снег, двух сильных морозов, обратился в сыпучую массу, так что ноги тонули, будто в глубоком песке. Кавалерия, шедшая впереди, чтобы протоптать дорогу для пехоты, не могла, при таких условиях, принести надлежащей пользы, и каждому солдату приходилось пробивать себе дорогу... К несчастью, сена на Уле, где, по словам милиционеров, был большой запас, оказалось всего несколько копен; нужно было отыскивать его дальше. Вдобавок, Уль, обнаружившийся из теплых родников, покрылся лишь тонким льдом, который проламывался под кавалерией, так что пехота должна была переходить реку вброд.

Перейдя реку Уль, колонна остановилась;

милиционеры поехали отыскивать сено. Усталые, вспотевшие люди были сразу охвачены морозом, дохнувшем до 30°, и в течение слишком двухчасовой остановки солдаты напрасно топтались на одном месте или бегали взад и вперед, стараясь отогреть застывавшие ноги. Некоторые из них падали в изнеможении и засыпали навеки. Колонный начальник, полковник Преображенский, ознобив ноги, сдал начальство другому штаб-офицеру, который, в свою очередь, сдал третьему, так что, наконец, трудно было отыскать колонного начальника. Как ни терпеливы кавказские солдаты, однако и они начали поговаривать, что из-за каких-нибудь пятидесяти копен сена не стоило выносить такой холод и, забыв запрещение разводить костры, свалили с транспортных саней сено, взятое нами, не доходя Уля, и зажгли его. Но как этот запас топлива исчез скоро, то, после приятного тепла, холод почувствовался еще сильнее. Обмороженным нижних чинов стали укладывать на сани и прикрывать попонами, рогожами, всем, что оказалось под рукой. Наконец, число их дошло до того, что офицеров, пострадавших от ознобления, принуждены были перекладывать и пересаживать с саней на артиллерийские лафеты и передки. Колонна, потеряв терпение, повернула к Майкопу...

Вообще, все три колонны доставили до 1200 человек обмороженных, требовавших или продолжительного лечения, или ампутации членов. Не ручаюсь за безусловную точность этой цифры, потому что не имею под рукой официальных источников; но, судя по числу людей, выходивших на работы и в прикрытие их, позволительно думать, что приведенное число не преувеличено, а скорее уменьшено. Молва насчитывала обмороженных до 3000 человек. Лагерь наш, после 23-го декабря, обратился в огромный госпиталь...

На 26-е декабря был назначен новый поход, с целью проложить через горы удобную дорогу и просеку для соединения Курджипского ущелья с Майкопским, минуя самое укрепление, так чтобы войска наши во всякое время могли появиться в Майкопском ущелье и двигаться вверх по левому берегу Белой, не переходя реки вброд, что при полноводии было невозможно. Вероятно, кроме цели обеспечить от нечаянных нападений укрепление и сделать в последний период зимних действий отряд более подвижным, генерал Козловский имел в виду удалить войска из лагеря, где от накопления больных могли развиваться болезни, и поддержать моральное настроение солдат, потрясенное катастрофой 23-го декабря.

26-го декабря отряд потянулся, через мост, в Курджипское ущелье. Обогнув гору и пройдя верст шесть вверх по р. Курджипсу, он расположился лагерем против места, где назначалось провести дорогу. 27-го приступили к разработке дороги и рубке просек, которые, без всяких стычек с горцами, были окончены 30-го декабря. 31-го декабря прибыл в отряд генерал Козловский, произвел, с большей частью войск, движение вверх по реке Курджипсу, приказав вырубать лес и сады, прилегавшие к дороге, сжечь ближние хутора по берегу реки и, потеряв несколько человек, возвратился в лагерь. Отсюда войска тотчас же снялись и перешли в Майкоп.

3-го января (1858 г. — Прим. С.Х.), в то время когда войска, не допуская никакого сопротивления со стороны горцев, беспечно были заняты рубкой леса на горе, несколько выстрелов в наблюдательном

* Автор обозначил себя крайне скромно — одной буквой В. Офицер в составе сводного Майкопского отряда оставил откровенные воспоминания, приоткрывающие для нас самые неблагоприятные аспекты Кавказской войны.

КАВКАЗСКАЯ ВОЙНА

В. Воспоминание о зимней экспедиции Майкопского отряда. 1858 г.

отряде, располагавшемся, как я уже сказал, против Курджипского ущелья, дали знать о появлении неприятеля. Генерал Козловский, взяв два батальона пехоты, взвод резервной батареейной батареи и несколько сотен казаков и эскадронов драгун, переправился через Белую по мосту и левым берегом двинулся вниз по реке к угрожаемому пункту. Опасность оказалась еще далеко. Горцы собрались в значительном числе на левой стороне р. Курджипс и начали переправу, вероятно с целью напасть на правый фланг и тыл рубщиков леса, которые охранялись всегда наблюдательными пехотными постами и кавалерийской колонной. Видя присутствие войск в углу между р. Курджипсом и Белой, горцы прекратили переправу и, заняв лесистый берег реки и прилегающую горную возвышенность, завязали перестрелку с нашей цепью, расположившейся вдоль правого берега.

В то время превосходство горской винтовки пред нашим пехотным ружьем делало подобный бой неравным: мы могли рассчитывать на большую потерю, зная, что горцы не понесут никакой. Позиция их была хороша: скрытые большими деревьями, они не страдали не только от нашего ружейного огня (наши пули к ним почти и не долетали), но даже и от картечи двух батареейных орудий: приготовления и отход орудийной прислуги предупреждали горцев о грозящей опасности и они скрывались за прикрытием. Наши же войска, стоя на открытом месте, служили превосходной целью. К сожалению, до окончания работ колонной, рубившей лес, отступление нашей цепи было невозможно; иначе горцам открылась бы переправа через Курджипс. Да и горцам не хотелось, под артиллерийским огнем, отступать на открытую вершину горы, и волей-неволей обе стороны должны были держаться на занятых ими позициях. Таким образом, перестрелка длилась до отступления нашей цепи, последовавшей за отступлением колонны, рубившей лес. Горцы преследовали отступающих бранью, но не рисковали переправиться через Курджипс. Благодаря дальнострельности горских винтовок потеря наша была вовсе не соразмерна с уроном противника. По сведениям, доставленным лазутчиками, у них был всего один раненый, тогда как наша потеря превышала десять человек. В числе раненых был юнкер, исполняющий должность адъютанта при полковнике Кутневиче.

Здесь кстати сделать маленькое замечание. Сказанное мною выше о превосходстве горских винтовок пред нашим оружием, противоречит словам графа Д. Добровольского-Евдокимова¹. Он говорит: «правда, во время покорения Кавказа с 1856 по 1864 год, дела ослабли, но благодаря превосходству нашего вооружения и маневрам, а не упадку неприятеля: куда же было горцам тягаться с нашими нарезными ружьями!». Замечание это в существе своем верно, но 1856 год выставлен неправильно. Все, бывшие в Майкопском отряде в 1857 г., могут засвидетельствовать, что в то время из войск, входивших в состав отряда, нарезными ружьями (именно литихскими штуцерами) был вооружен только один 19-й стрелковый батальон. В продолжение лета присылались поочередно по одной роте этого батальона, а в зимний период батальон весь был под командой полковника Позняка. Стрелковые роты батальонов были вооружены тогда ударными ружьями, а некоторые и кремневыми, чем, конечно, объясняется та отчаянная храбрость горцев, какой они отличались в перестрелках 1857 и 1858 гг. Только к концу 1858 и к началу 1859 г. стрелковые роты правого фланга были вооружены нарезными ружьями семилинейного калибра. Нужно, следовательно, предполагать, что замечание графа Д. Добровольского-Евдокимова относится до войск левого крыла и закавказских, которые могли быть вооружены нарезными ружьями еще в 1856 году, так как перемена вооружения всегда начиналась с этих войск.

10-го января отряд, почти в полном составе, двинулся опять в Курджипское ущелье. По причине глубокого снега, войска медленно тянулись гуськом и скрылись из виду, оглябая гору. Тяжелый подъем артельного колесного обоза, наваленного всевоз-

можным хламом, чрезвычайно затруднял движение колонны. Авангард пришел уже на позицию, где предполагалось сделать ночлег, а арьергард только что выступил из Майкопа. Первый ночлег был напротив просеки, сделанной в последних числах декабря. 10-го же числа к отряду прибыл генерал-лейтенант Козловский и на другой день нам предстояло начать движение вверх по Курджипсу.

Движение обоих колонн не могло не встретить сильного сопротивления со стороны горцев. Как та, так и другая вступали в самые населенные места. И без того значительное число жителей этих ущелий увеличилось в последнее время населением разоренных аулов, бывших по р. Белой и при входе в Курджипское ущелье. Частое появление больших партий в виду отряда, постоянные дневные и ночные пикеты неприятеля на окрестных горах, густые столбы дыма, появлявшиеся в ближайших аулах — все доказывало, что горцы или не предвидели нашего движения в глубину ущелья, или думали упорным сопротивлением заставить отряд отказаться от предположенной цели. Вечером 10-го января мы заметили усиленную деятельность горцев по дороге нашего наступления.

11-го января отряд двинулся вперед. С первого же шага раздались выстрелы горцев, и конные толпы их, медленно отступая перед войсками, как бы указывали нам путь на переправу через Курджипс. Вскоре отряд действительно должен был остановиться перед рекой, делающей в этом месте крутой поворот налево и перерезывающей все ущелье. С правой стороны отряда открылся аул, судя по суете горцев, еще не совсем брошенный. Так как аул находился на правом берегу, то цепь была подвинута вперед и усилена двумя взводами артиллерии; кавалерии же приказано было его уничтожить. Давно ожидавшая этого приказа, кавалерия понеслась к аулу и через несколько минут он запылал под звуки частой перестрелки. Суетившиеся около аула горцы, видя, что здесь дело окончено, отправились на подкрепление тех своих товарищей, которые беспокоили правую цепь из леса, находившегося в углу, образуемом поворотом Курджипса и приближавшегося к дороге. Картечь не позволяла им выйти из леса, а потому, скрывшись в глубине его, горцы открыли почти безвредную для нас пальбу. Заунывный звон долетавших до нас пуль возбуждал смех и остроты солдат: «Слышь, брат! Сиротка летит! Вишь, как жалобно воет!» Иногда, впрочем, сиротка задевала кого-нибудь в толпе; жалобный звон ее оканчивался тяжелым шлепком и вслед за тем слышался стон раненого. Тогда в рядах начиналась суматоха, раздавалось несколько голосов, кричавших «носилки». Раненого уносили, и толпа опять смыкалась. «Вишь, проклятая, таки своего нашла», и при этом, иногда, можно было слышать рассказ о предчувствиях раненого, например, как ему сегодня снилась какая-нибудь, давно умершая, бабка или мать и все звала его к себе. Отсюда, конечно, выводилось заключение, что раненый вероятно не переживет дня и его заранее считали покойником...

12-го января колонна генерала Тихоцкого, выйдя за черту лагеря, начала выстраиваться в боевой порядок. Ложавшее перед нами ровное поле позволяло развернуть силы, и тем давало возможность с меньшей потерей занять находившийся в версте от лагеря редкий, но крупный лес, окаймлявший широкую канаву, вероятно, прежнее русло реки. Три батальона пехоты, с двумя взводами артиллерии и цепью 19-го стрелкового батальона, составлявшие первую линию, разом двинулись вперед; вторая линия и кавалерия последовали за ними. Горцы, ожидавшие нашего движения, открыли перестрелку еще в то время, когда колонна выстраивалась; но ответы 19-го стрелкового батальона заставили их отойти к лесу. Здесь они считали себя достаточно обеспеченными и потому, мало обращая внимания на наш артиллерийский и ружейный огонь, поддерживали оживленную пальбу во все время движения колонны до канавы, и, наконец, видя бесконечность своих целей, решились отступить. Но отступать до следующего леса, в котором скрывался аул Кудинетова, пришлось по открытому месту, под учащенным огнем наших стрелков, ко-



Черкесская джигитовка. Из архива И. Наврузова (АРИГИ)

торые немедленно заняли деревья, только что оставленные горцами. Тут мы были свидетелями грустной сцены. Старик-мулла был ранен; молодой горец тщетно старался поднять его на лошадь, несколько раз наклонялся он к раненому, чтобы подхватить его, но горячий конь, отпрыгивавший от ложившихся вблизи него пуль, делал все усилия молодого человека бесполезными. Тогда он соскочил с коня, взял на руки старика и пустился бежать. Раненый, в свою очередь, горец упал, однако поднялся и пытался взбросить на себя муллу. Офицеры наши кричали стрелкам не стрелять в него, но голоса их были заглушаемы пальбой. Вскоре молодой горец свалился... Набежавшая цепь, конечно, не пощадила обоих: они были заколоты прежде, чем успели офицеры дойти до места сцены.

Войска быстро подвигались за цепью и вслед за отступающим неприятелем, вошли в пылающий аул Кудинетова, из которого не все имущество было вывезено. Что побудило горцев оставить имущество в ауле, ближайшем к отряду и лежащем на пути его наступления? Нельзя полагать, чтобы они надеялись принудить наши войска отказаться от движения вперед; ничего подобного никогда еще не случилось на правом фланге. Не рассчитывал ли противник, что глубокий снег заставит отложить наступление отряда до более удобного времени? Этого горцы не могли ожидать от генерала Козловского, которого ничто не останавливало. Вероятнее всего, что горцы были введены в заблуждение рубкой леса на левой горе; они могли предполагать, что настоящее движение ограничится разработкой новой дороги в Майкопское ущелье. Такое заблуждение казалось тем возможным, что отряд генерала Войццкого, вместо движения по реке Пшехе, как ему было назначено, ограничился пассивной ролью: пройдя верст семь от Белореченского укрепления, он думал уже возвратиться. Что горцы были убеждены в нерешительных действиях Белореченского отряда, в этом уверились все 13-го января присутствием Магомет-Амина и всего населения обоих ущелий на реке Курджипсе.

Так или иначе, только аул Кудинетова был оставлен жителями и зажжен ими при нашем приближении. Войскам нашим досталась лишь самая незначительная добыча, в том числе несколько колчанов и стрел. Отступившие в ближайший лес горцы ждали нашего дальнейшего движения, но оно не последовало 12-го января. Зная о значительном сборе неприятеля, генерал Козловский признал необходимым ограничиться, до времени, сделанным движением и, воспользо-

вавшись расположением войск, обеспечить пути отступления. Тотчас же застучали топоры, и к вечеру пройденная колонной дорога была очищена от леса. Войска в сумерки возвратились в лагерь, принеся нескольких солдат раненых и убитых.

13-го января, колонна, под командой полковника Кутневича, рано утром отправилась расширять вчерашнюю просеку. Пройдя сожженный аул Кудинетова, авангард, под командой полковника Моренца, расположился на берегу Курджипса, делающего в этом месте обратный поворот направо. Колонна из батальонов Севастопольского полка, под начальством полковника Лихутина, составляла правую цепь и заняла лес за бывшим аулом Кудинетова, а линия, из батальонов Кубанского полка, под командой полковника Преображенского, вошла в лес, росший вдоль того хребта, который отделяет ущелье реки Белой от ущелья реки Курджипса. Позиция была занята без выстрела и войска, огравив себя цепью, принялись валить деревья, находившиеся в образованном ими четырехугольнике. Перед авангардом, по другую сторону Курджипса, тянулась большая открытая поляна, перерезанная с правой стороны плетнями, для предохранения посевов от нашествия диких свиней². Плетни эти одной стороной примыкали к лесу, идущему вдоль правой возвышенности, а другой — к дороге вверх по ущелью.

Около восьми часов, горцы, собравшись в значительном числе, начали из лесу перестреливаться с правой колонной и, в то же время, конные толпы их показались на открытой поляне перед авангардом. Цепь авангарда была переброшена через реку и штуцерные 19-го стрелкового батальона залегли на правом берегу Курджипса. В правой колонне перестрелка постепенно разгоралась и скоро приблизилась к авангарду, так что горцы, забравшись в небольшую балку, на отлогости правой горы, почти безнаказанно тревожили угол соединения правой колонны с авангардом. Огонь четырех орудий, двух батареейных правой колонны и двух легких авангарда, был сосредоточен на этот естественный ложемент; но снаряды наши или засадили в наружную покатошты, или, делая на вершине ее рикошет, перелетали через балку и впились в гору. В это же время, разъезжавшая перед нами толпа спешила, заняла ближайший плетень и открыла огонь по прикрытию авангардных орудий, которые тотчас же были направлены на плетень и одна рота Ставропольского полка послана на правый берег Курджипса для усиления цепи. Горцы замечали стали прибывать; огонь их становился все живее и живее; несколько ра-

КАВКАЗСКАЯ ВОЙНА

нених и убитых были уже вынесены из цепи и прикрытия на перевязочный пункт. Оставаться под таким огнем, не имея даже утешения причинить вред горцам, было неприятно для войск, привыкших наносить неприятелю чувствительные поражения с небольшой потерей для себя.

Прибывший на место перестрелки, полковник Кутневич разом отгадал настроение солдат: он понял, чего можно достигнуть, двинув войска вперед. Горцы, залегшие в балке справа, должны были бы оставить свой пост, так как наша цепь, пройдя немного вперед, могла поражать их анфиладным огнем и нам пришлось бы вести перестрелку только с теми, которые занимали плетни, и огонь которых уравнивал себя бы огнем нашей цепи, с переводом ее за первый плетень. К сожалению, полковник Кутневич употребил в дело слишком небольшую часть войск. Подскакав к цепи, он обратился к роте ставропольцев и приказал прогнать горцев. Только этого и ждали солдаты. Дружное «ура» раздалось в небольшой кучке людей и, с этим победным криком, первый плетень был занят. Горцы отступили к следующей изгороди и, как бы подбавляя солдат, увлекая их вперед. Командир роты, поручик Хуцесов, повторил опять победный крик, и рота выбила горцев из второй изгороди. Раненный в руку, он разгорячился, бросился вслед за отступающими горцами, но, перепрыгивая третий плетень, был вторично тяжело ранен. Рота, оставшись без офицера, смешалась, однако заняла плетень и поддерживала перестрелку, надеясь на помощь колонны. Помощи не высылали. Напрасно друг Хуцесова, честная храбрая личность Месхив, упрашивал полковника Моренца позволить ему броситься на выручку своих. Разрешение не давалось, а между тем рота Хуцесова, потеряв много людей, оставила занятую ею позицию и торопливо стала отступать. Раненый Хуцесов был оставлен вместе с несколькими солдатами, пытавшимися вынести своего командира. Тогда горцы, заняв плетни и балку, открыли сильный огонь; взвод легких орудий, закрываемый доселе ставропольской ротой, после беспорядочного отступления ее, получил возможность стрелять картечью. Самая частая пальба только сдерживала горцев, но они не очищали занятых позиций.

В это время прискакал из лагеря генерал-лейтенант Козловский. Узнав, что офицер и несколько рядовых оставлены в руках неприятеля, генерал Козловский немедленно прекратил рубку леса и, стянув к авангарду всю колонну, двинулся вперед. Перейдя р. Курджипс, отряд пошел по ровной открытой поляне до самого аула Дух-

хабль. Кряж горы с левой стороны, значительно отходил в этом месте от дороги, так что левая цепь, идя по полугоре, оторвалась от цепи авангарда. В этот промежуток была поставлена кавалерия, пришедшая с генералом Козловским.

За аулом Дух-хабль, поперек всего ущелья, тянется глубокая балка; сторона ее, противоположная нашему наступлению, была окаймлена густым лесом, оставлявшим за аулом небольшой проход, по которому тянулась дорога. По дороге через балку был переброшен довольно прочный мост.

Колонна быстро продвигалась вперед, тесня перед собой толпы конных горцев. Вот уже показались сакли, но почти в то же мгновение густой дым взвился над ними, и пламя охватило аул со всех сторон. Горцы скрылись. Можно было предполагать, что они поспешили к следующему аулу, чтобы до нашего прихода спасти свое имущество. Предположение это не оправдалось. Едва авангардная цепь начала приближаться к балке, как дружный залп, направленный преимущественно против кавалерии, вынес много жертв из наших рядов. К счастью внезапность не озадачила казаков; в миг они спешились и бросились в рукопашную. Три сотни, бывшие впереди, хотя и потеряли при залпе своих начальников, однако не последовали примеру ставропольской роты. Они поклялись отомстить — и отомстили молодецки: более 80 неприятельских трупов остались в балке. Резервы авангарда спешили поддержать кавалерию и свою цепь, но самая главная часть их отделялась пылающим аулом. Недолго думая, пехота бегом бросилась через аул; артиллерия последовала за ней. Пробежав аул, авангард попал на не совсем еще разрушенный мост и, пройдя его, занял дорогу и лес с правой стороны ее. В конце дороги, разделявшей оба леса, открылась опять большая поляна, весьма удобная для действия артиллерии. Став во фланг горцам, занимавшим балку, и на пути их отступления, мы, артиллеристы, могли только любоваться картиной кровавой схватки, но не могли принимать в ней участия, так как казаки, драгуны, пехотные стрелки и горцы сбились в кучу. Неприятель не выдержал, бросился наутек через поляну; здесь он был встречен картечью двух легких орудий авангарда и прибывших из правой колонны двух батареинных орудий. Видя, что путь отступления с этой стороны отрезан, горцы устремились в лес вдоль балки, надеясь вершиной ее пробраться на гору; но левая колонна преграждала и эту дорогу. Картечный залп двух горных орудий и дружное ура кубанцев окончательно озадачили горцев: они попытались. Между тем, задержанная боем колонна пе-

решла в наступление. Тогда горцы решились пробиться через левую колонну. Попытка эта дорого стоила передовым смельчакам и отбила охоту у других последовать их примеру. Неизбежная гибель, при отступлении этим путем, заставила неприятеля избрать первый, где не приходилось прокладывать себе дорогу через наши войска, а нужно было только пробегать под выстрелами их. Перекрестный огонь шести орудий (двух авангардных легких, двух батареинных правой колонны и двух горных левой) и цепи провожали горцев до тех пор, пока они скрылись в лесу.

После такого решительного поражения, горцы уже не отваживались оказывать какое-либо сопротивление, несмотря на убеждения и угрозы Магомет-Амина, лично распоряжавшегося перестрелкой в этот день: густыми толпами они отступили на вершины окрестных гор, где все время оставались зрителями.

Колонна, подобрав раненых³ и убитых, которых было много, двинулась дальше. Несколько десятков наездников показали опять в почтительном расстоянии от цепи, и, отступая перед нею, как бы составляли авангард нашей колонны, но ни одного выстрела не было сделано с их стороны: кажется, они ехали собственно для того, чтобы уничтожить запасы сена и аулы, лежавшие на пути нашего следования. Колонна и не рассчитывала двигаться до аулов; пройдя версты три, она остановилась и принялась расчищать дорогу. С утра, висевшие над нами густые тучи разразились обильным снегом и войска, проработав до сумерек, возвратились убежденные в лагерь.

Наша потеря в этот день состояла из шести или семи офицеров и, если не ошибаюсь, из 40 нижних чинов, выбывших из строя. Преимущественно пострадали казаки, и, между ними, более других, лихая прочнокопская сотня. Урон горцев был второе, если не больше. Они отказались от перестрелок до конца зимнего периода действий отряда...

Перестрелкой 13-го января, можно сказать, окончились действия Майкопского отряда. 14-го января отряд прошел еще несколько верст вверх по р. Курджипсу, но горцы, после неудачного дела у аула Дух-хабль, почти не оказывали сопротивления. 17-го января генерал-лейтенант Козловский получил донесение от генерал-майора Войццкого, что, по причине глубокого снега, он не мог выполнить назначенного ему движения и возвратился в укрепление Белореченское. Отряд его прошел по р. Пшехе верст шесть, и самый дальний пункт, осмотренный им, было то место, где теперь расположена станица Пшехская, т. е. семь

или восемь верст от укрепления Белореченского. Сколько я помню, в Кубанской области ни одно совокупное движение двух отрядов, имевших целью осмотреть какие-либо места и соединиться в известном пункте, не удавалось...

20-го января последовал роспуск майкопского отряда, неутомимо действовавшего почти на протяжении десяти месяцев. С какой радостью войска спешили на место, об этом нечего и говорить. Переходы, которые делались, при выступлении в отряд, в два-три дня, теперь оканчивались в один; скудные остатки провианта и фуража теперь раздавались щедрой рукой; не к чему было рассчитывать на будущее и загонять экономию: все знали, что через несколько дней будут дома и, по крайней мере, месяц или полтора отдохнут после тяжелых трудов.

Откровенно говоря, результаты действий майкопского отряда были далеко не соразмерны с потерей, которой стоило нам занятие и утверждение на этом месте, что и обнаружилось в походы следующих годов. Вслед за роспуском отряда, горцы опять стали селиться в Курджипском ущелье. По-прежнему спокойно поживали в своих аулах и посещали, довольно часто, окрестности Майкопа. Пространство между реками Белой и Лабой осталось доступным для их набегов, как и прежде, доказательством чему служили постоянные происшествия на лабинской линии до 1862 г. Само сообщение с укреплением Майкопом было возможно только с значительным прикрытием, и Майкоп долго еще оставался одинок на передовой линии, приносил такую же пользу, как и Белореченское укрепление, т. е. служил сборным пунктом для отрядов. Главная же цель майкопского отряда, устроить белореченскую линию, осуществилась только в 1862 г.

Примечания:

1 Смотри «Военный сборник» № 11 1866 года: «По поводу статьи действия и занятия войск средне-фарского отряда» стр. 59.

2 В кавказских лесах водятся множество диких свиней, производящих страшное опустошение на хлебных полях. Горцы, преимущественно засевающие кукурузу, любимую пищу свиней, должны особую заботу уделять о сохранении своих посевов; с этой целью каждый хозяин огораживал свой загон плетнем или частоклом, а иногда, сверх того, окапывал канавой.

3 Из офицеров ранены были: полковник Преображенский, прочнокопской сотни сотник Малыхин и еще другие, фамилии которых не упомяну. Убиты: есаул Колосов, сотник Копанев и поручик Хуцесов (тело последнего взято было горцами раньше).
Военный сборник. 1868. № 12. С. 247-283.

ХАГОНДОВОКОВ. ИЗ ЗАПИСОК ЧЕРКЕСА. 1862 Г.

В 1862 году мне довелось посетить Кавказ. Целью моей поездки было свидание с моими родными, которых я не видал лет пятнадцать, т. е. со дня поступления в кадетский корпус. Мне хотелось также побывать в экспедициях с каким-либо из отрядов, действовавших на правом крыле Кавказа, в земле воинственного черкесского племени абадзехов.

Я приехал на Кавказ в половине мая и мог бы безотлагательно отправиться в ближайший к нашему месту жительства отряд даховский, но, не желая огорчить родных скорым отъездом, отложил свое намерение к концу осени или к началу зимы, когда преимущественно начинались наступательные действия.



Перестрелка с горцами передовой цепи Кабардинского полка при следовании отряда генерал-лейтенанта Вельяминова от Абины к перевалу Напо, в которой убит шапсутский наездник Тлекеч. Из архива И. Наврузова (АРИГИ)

В последних числах октября отец мой получил предписание выступить с двадцатью всадниками к реке Зеленчуку и оттуда, вместе с милиционерами аулов Верхне-Кубанского приагваста, следовать в укрепление Майкоп. По причине своей болезни отец не мог исполнить приказа, а потому двадцать всадников из нашего и другие двадцать из соседнего аулов отправились со мной. Я очень рад был воспользоваться случаем участвовать в экспедиции, которая предпринималась из Курджипса на Пшех. Принц Альберт Прусский (старший) принимал участие в экспедиции, чтобы ознакомиться с образом действий кавказских войск. Принц гостил на Кавказе в то лето.

На второй день моего выезда из дома я догнал милицию, уже выступившую из Зеленчука, в Урупской станице, где мы имели ночлег. С Урупской станицы до самого укрепления Майкоп наш летучий отряд не расседлывал коней, потому что в Лабинской станице, где мы предполагали ночевать, получили приказание догнать обоз, шедший к Майкопу с незначительным прикрытием. Без отдыха невозможно было продолжать путь, потому что отряд наш сделал в этот день, по крайней мере, верст шестьдесят на жирных, откормленных лошадях; да притом нас затрудняли вьючные и заводные лошади. Тхамды¹ купца² решили дать отдых лошадям, часа два или три, и потом догонять обоз.

«Как ты думаешь, можно это сделать, не подвергаясь ответственности пред начальством?» спросили они меня. Я ответил, что за такой необходимый отдых они не будут отвечать, если только вовремя примкнут к обозу. «В таком случае, мы отдохнем часа полтора, а получаса достаточно на сборы к мосту через реку Лабу», сказали старшины, после чего милиционеры разъехались по хатам. Это было в шесть часов пополудни. К девятому часу весь куп собрался к мосту через реку Лабу. Густой, непроницаемый туман, холод, сырость и возможность нападения абадзехов, длинный утомительный переход — вот что ожидало наш куп впереди. Старшины, поставив купу на вид все эти обстоятельства, предложили слишком не растягиваться, чтобы не подвергнуться какому-нибудь «срамному делу»; говоря просто, чтобы не попасть в руки абадзехов, для набегов которых подобная ночь была сущим кладом. Между тем, куп со всеми вьючными и заводными лошадьми, не мог не растянуться версты на две.

Три часа нашего горского марша — и мы около обо-

за. Понятно, что мы уже не могли идти таким ходом, как шли все время, и потому только к пяти часам вечера следующего дня достигли благополучно укрепления Майкоп. Правда, на рассвете, с левой стороны дороги, из лесу высыпало до ста абадзехов, вероятно, предупредомленных о следовании обоза к Майкопу; но многочисленность конной удержала их от нападения. Выскакивали только одиночные всадники, как бы вызывая на единоборство; однако с нашей стороны не оказалось охотников. Абадзехи ограничились на первый раз угрозой, что мы не избежим встречи с ними за Курджипсом.

«Советуем вам поберечь до времени храбрость и заряды свои», иронически ответили с нашей стороны.

«Верно, вы строго поклялись добросовестно заслужить тот абаз³, который вы получаете за каждый день экспедиции», дразнили абадзехи наших.

Этого было достаточно, чтобы наши решились проучить абадзехов за дерзость. Двадцать всадников

«В косматых шапках, в бурках черных, К луке склоняясь на стремена»

и, придерживая приклады своих винтовок, понеслись в рассыпную к лесу. Абадзехи недолго заставили себя ждать: в двадцати местах произошло состязание на полном скаку. С нашей стороны были ранены человек шесть и четыре лошади; абадзехи потеряли более.

Ни одно племя горцев не могло сравниться в храбрости, ловкости и лихости наездничества с теми обществами кабардинцев, которые, именуясь хаджиратами, живут на Кубани, обеих Зеленчуках, Урупе, Лабе, Ходзе и в других местах правого крыла Кавказа. Это не те изнеженные кабардинцы, которые сохранили в наездничестве одну только манерность. Наши оказали изумительное умение ловко владеть оружием: только в момент решительного столкновения с противником выхватывали они винтовки, а до того стремительно налетали на абадзехов, чтобы сшибить их с коня. Для хаджиратов седло тот же мягкий диван, на котором они располагаются так удобно и так грациозно.

Да не обвинят меня в пристрастии к моим землякам. Ссылаюсь на всех имевших случай узнать их. Кстати замечу здесь, что, ни со стороны абадзехов, ни с нашей, я не видал ни одного всадника, который бы насканивал на неприятеля с шашкой в зубах, как то повествуют мно-

КАВКАЗСКАЯ ВОЙНА

ХАГОНДОВОК. ИЗ ЗАПИСОК ЧЕРКЕСА. 1862 Г.

гие. Это несправедливо. Черкесы, броса-
ясь большими массами на неприятеля,
оставляют пашки в ножнах; они стара-
ются подготовить успех атаки выстрела-
ми и уже после стремительного шока на-
чинают действовать пашками.

Квартир в Майкопе, по причине боль-
шого стечения войск, для милиции не ока-
залось, а потому нам предложено было
расположиться бивуаком на удобном ме-
сте. Удобнее русла реки не было, и куп
наш, спустившись с крутых берегов Бе-
лой, раскинулся в мелких кустарниках, ко-
торыми поросла долина реки. На другой
день прибыл великий князь-наместник; но
принц Альберт захворал, и мы простоя-
ли, при самой благоприятной погоде, трое
суток. На утро четвертого дня бивуачной
жизни, я проснулся весь покрытый сне-
гом. Меня уже ожидал посланный от при-
става Верхне-Кубанского приставства, с за-
пиской, в которой он просил предупредить
весь куп, простирившийся теперь до 800
всадников (к нам присоединились мили-
ционеры и верхне и нижне-лабинских при-
ставств), что в этот день отряд должен вы-
ступить к Курджипсу. Это было в седьмом
часу утра. К одиннадцати часам, мы, с
небольшим числом пехоты и двумя-тре-
мя сотнями казаков, двинулись через Бе-
лую к курджипскому лагерю. Принц Аль-
берт находился при нашем отряде. Пого-
да была отвратительная: мокрый снег ва-
лил огромными хлопьями и, ложась на
землю, тотчас таял. Дорога, сначала узкая
и грязная, окаймленная с левой стороны
дремучим лесом и пролегая с правой к
крутому обрыву, затрудняла движение. От-
ряд растянулся верст на пять. Так шли мы
верст девять, имея с правой стороны па-
рули, которые были выставлены тотчас по
переправе через Белую, а с левой — не-
проходимый лес. На девятой версте (при-
близительно) дорога пошла по более ров-
ному месту. Было уже далеко за полдень,
когда мы вступили в лагерь на реке Курд-
жипсе. После осмотра пришедшего лег-
кого отряда графом Евдокимовым, мили-
ции опять приказано расположиться меж-
ду палатками, и вскоре между ними по-
явились шалашики из хвороста, в которых
мы укрывались от непогоды. Лагерь был
расположен над самой рекой, на чистом
и ровном месте, примыкая тылом к от-
логой возвышенности, покрытой продол-
жением того самого леса, который сопут-
ствовал нам из Майкопа.

Праздными мы оставались недолго: на
другой же день мне поручили раздачу
боевых патронов всей милиции, а на сле-
дующий день легкий отряд, под началь-
ством принца Альберта, выступил из ла-
геря, имея милицию в авангарде для фу-
ражировки. Перейдя Курджипс, отряд по-
тянулся по широкой балке. С правой сто-
роны возвышенность была совершенно
гладка, с левой же покрыта лесом, по ко-
торому сновали одиночные абадзехи. Так
шли мы версты три по дороге. День был
ясный. Всадники начали попадаться чаще
и уже впереди нас, но все еще не затева-
ли перестрелки с нами. Пройдя еще с вер-
сту, мы наткнулись на аул, оставленный
жителями, и поднялись на возвышенность
Тхац, которая, врезавшись в пройденную
нами балку, разделила ее на две балочки,
узкие и глубокие, занятые небольшими
аулами. На возвышенности представилась
нам оживленная картина: со всех сторон
абадзехи стогнали скот в лес. Милиция, за-
видев это, бросилась беспорядочными
толпами отбивать скот, и не успели глав-
ные силы нашего летучего отряда выйти
из балки, как она уже покончила дело.

Отряд возвратился в лагерь с 2,000 ро-
гатого, и мелкого и крупного, скота.

Так окончилась наша первая фуражи-
ровка. Через день или два предполагалось
двинуть отряд по возвышенности Тхац на
Пшеху, для истребления мехкема Маго-
мет-Амина и по пути лежащих аулов.

С утра, когда отряд двинулся из лаге-
ря, погода стояла изрядная, но к полудню
поднялся густой туман; дорога из балки
в балку чрезвычайно затрудняла движе-
ние. Милиция, для которой подобные
препятствия ничего не значат, идя в аван-
гарде, должна была беспрестанно оста-
навливаться, чтобы не удалиться от колон-
ны. К счастью, абадзехи в этот день вели
себя скромно и, держась опушки леса,
только провожали наш отряд.

Конечно, случалось, что шалун-абад-
зех, стоя на безопасном месте, посылал
милиционерам непечатные слова; но на
это никто не обращал внимания.

5-го ноября 1862 года мы подошли к

аулу Шагуаджа, где и заняли позицию.
Покуда главные силы располагались на
позиции, небольшая часть войск и мили-
ция были направлены против абадзехов.
Столкновение не имело никаких важных
последствий, кроме двух-трех убитых ло-
шадей под милиционерами. На другой
день, т.е. 6-го ноября, отряд занялся уни-
чтожением близлежащих аулов. Абадзехов
в этот день мы не видали. С любопытством
смотрел я, как солдаты с необыкновенною
меткостью подстреливали кур, вылетающих
из амбаров и других темных мест, куда они
забрались, чуя приближение иноземцев.

В доказательство меткости выстрела
кавказского солдата, передаю следующий
случай.

Раз, когда милицию потребовали из арь-
ергарда в авангард, я поотстал, чтобы дать
отдохнуть лошади, и ехал шагом, с боку
колонны.

— Слышь, ребята! Ведь ту лошадь, кото-
рая вон там на гребне — говорил солда-
тик, указывая налево — бесприметно дер-
жит азиат, хошь его самого не видать: он,
надо полагать, лежит около ее и держит
за повод.

Солдаты молча посмотрели на возвы-
шенность, где действительно стояла ло-
шадь.

— Чего ж ты смотришь? Валяй в него!
сказал я солдатику.



Зауэрвейд Н. Бой при Ахмет-горском укреплении. История России в кар-
тинках русских художников. Из архива И.Наврзуова (АРИГИ)

— А и впрямь так! только, как не попа-
дешь, товарищи будут смеяться, отвечал
солдат, отходя от отделения и готовясь
стрелять.

— Целься, брат Пахомов, по левую сторону
лошади, около самой ноги, потому он сле-
зает на левую сторону, значит там и лег.

Взвизгнула штучерная пуля Пахомова,
и бедный абадзех, вероятно расположив-
шийся для наблюдения, чуть не поплатился
жизнью: пуля упала около самого его
носа, и горец, доселе невидимый, словно
травленный волк, вскочил с места и давая
тягу. Расстояние было довольно большое.

7-го ноября отряд снялся с позиции.
Туман, сылкость и беспрестанно попадав-
шиеся абадзехи, забыв свою недавнюю,
относительно нас, осторожность, дали
себя знать. За исключением особенных
случаев, милиция всегда находится в аван-
гарде; так было и в этот день. Я, с полу-
сотнею всадников, шел, в виде наблюда-
тельного отряда, впереди милиции и вдруг
наткнулся на пленень — признак близости
аула. Предупредив об этом начальника
милиции, полковника Абдрахманова, я со
всадниками переехал пленень, и только
теперь мы заметили, что и направо и на-
лево от дороги находились аулы, раскину-
тые по балочкам.

Впереди нас сновали до сорока абад-
зехов, которые, завидев нас, подались на-
зад и наконец скрылись из вида. Туман,
как нарочно, спустился еще ниже, так что
не стало возможности различать предме-
ты за десять шагов. Проехав с четверть
версты, мы затруднились следовать даль-
ше, как перед нашим носом грянул выст-
рел, другой, послышались гневные крики:
«а, гяур! гяур!...» и в тумане мелькнула
белая черкесска. Этого было достаточно,
чтобы мои полсотни молодцов мигом
выхватили винтовки из чехлов и стремитель-
но бросились по следам дерзкого врага,

осыпая его градом пуль. Проскакав с вер-
сту, мы наткнулись на вороную лошадь, ра-
неную девятью пулями и растянувшуюся
около кустарника, насупротив которого чер-
нел большой дубовый лес, куда, вероятно, и
скрылся хозяин коня. Покуда милиционеры
расседывали убитую лошадь, из лесу раз-
дался еще выстрел, что заставило меня оше-
пить тот угол леса, который выдавался здесь
на дорогу; но с правой стороны клина, где я
находился, в стороне от леса раздались два
новые выстрела. Обе пули попали в стояв-
шего около меня 18-летнего князя Эльбуз-
докова: одна из них расшибла ему челюсть
и вылетела, а другая засела в ключице. Вы-
стрелы начали затем повторяться все чаще и
чаще — ясное доказательство, что тут была
засада. В эту критическую минуту приска-
кала к нам вся милиция, предводимая пол-
ковником Абдрахмановым. Абадзехи как буд-
то только и ждали ее прибытия: все слилось
теперь в протяжный гул выстрелов и криков:
«гяур, гяур!» Нас, в буквальном смысле, за-
сыпали градом пуль, а мы, конные, не мог-
ли защитить себя от невидимых врагов... Я
предложил начальнику милиции спешить
часть милиционеров и послать к отрядному
начальнику с просьбою о присылке одной
или двух рот стрелков. Через час к нам при-
шли две стрелковые роты, которые, смело
рассыпавшись по лесу, скоро поправили дело.
Оно, конечно, не обошлось без потерь.

занятый всадниками; прямо против брода,
над рекой, кладбище было занято пешими
абадзехами. Ясно, что неприятель решил-
ся недешево отдать свой мехкем¹. Медлить
было нечего. Пока отряд выбирался на бе-
рег реки, милиция, по предложению неус-
трашимого полковника Абдрахманова, под
выстрелами засевших на кладбище абадзе-
хов, быстро переплыла Пшех и смело бро-
силась к аулу. Но противники уклонились
от схватки в самом ауле и поспешно ото-
двинулись к находившемуся позади лесу;
милиционеры устремились за ними... За-
стонала адигская² земля от проклятий и вы-
стрелов ее сынов...

Раздраженные большим числом своих
раненых, милиционеры ворвались в лес и
готовились начать рукопашную схватку;
наши заряды, между тем, истощились, и по-
тому полковник Абдрахманов распорядил-
ся сообщить об этом в отряд. Нас замени-
ли три сотни казаков. Абадзехи, угадав при-
чину нашего отступления, стали напирать
на казаков смелее; но не было необходи-
мости долго возиться с противником: все дело
состояло в том только, чтобы сжечь аул.

На обратном пути, отряд, снявшись с по-
зиции (с 9-го на 10-е), следовал к аулу Ша-
гуадже, который также предназначено было
сжечь. Милиция находилась в арьергарде.
В недалеком расстоянии от аула, отряд, по
причине густого тумана, принужден был
остановиться в котловине; артиллерия, ко-
торой абадзехи более всего боялись, зани-
мая голову колонны, находилась вне котло-
вины, равно и хвост колонны, т.е. милиция.
Когда туман рассеялся, мы увидели на от-
логости (справа) котловины небольшой аул,
а за ним, на гребне, до 150 абадзехов. Про-
тив них послали милиционеров, и в то же
время артиллерия открыла огонь; но абад-
зехи после первого же выстрела перевали-
ли по ту сторону гребня. Мы проскакали
чрез небольшой редкий лес, влево от аула,
вышли к голове колонны и затем с началь-
ником кавалерии (генерал-майором Граб-
бе) погнали толпу абадзехов, скоро скрыв-
шихся в лес. В ожидании отряда, мы, по
предложению начальника кавалерии, слез-
ли с коней, но спустя час получили прика-
зание немедленно прибыть к отряду. Ока-
залось, что те самые абадзехи, которые сто-
яли на гребне, заметив отсутствие милиции
и рассчитав, что артиллерия не станет стре-
лять вдоль своей колонны, собрались к хвосту
ее, произвели шесть атак и бросились
в пашки на последний батальон. Батальон,
не имея возможности развернуться, сме-
шался. Два офицера были убиты на месте
и столько же ранены; из нижних же чинов
были убиты до ста человек, а сколько было
раненых — мне неизвестно. Знаю только, что,
по прибытии на Курджипс, разом вынесе-
ли до 30 человек, умерших от ран.

11-го ноября 1862 года кончилась шести-
семидневная экспедиция двенадцатитысяч-
ного отряда на р. Пшех. Во время жарких
перестрелок принц нередко подъезжал к
опушке леса. В лагере его королевское вы-
сочество пробыл еще дня два, присутство-
вал при погребении умерших от ран солдат,
ласково и дружелюбно разговаривал со сво-
ими временными сослуживцами и благода-
рил их за молодецкую службу. Милиция
проводила его в Майкоп, а отсюда до стан-
ции Софоровской. Здесь его высочество про-
стился с милиционерами, выразив им свое
полное удовольствие за усердную службу
и обещав засвидетельствовать перед Госу-
дарем Императором о их преданности пре-
столу. Это обещание чрезвычайно обрадо-
вало черкесов-милиционеров: они отвеча-
ли, что не ищут другой награды.

Из Лабинской станицы милиция разош-
лась по домам.

Возвратившись в начале декабря к отцу,
я объявил ему, что в скором времени про-
щусь с ним. «Ну что ж! послужи еще, по-
служи Царю, а там опять приедешь ко мне»,
говорил мне мой старик, прощаясь со мной
15-го декабря 1862 года.

Выехав из нашей Кумской долины на
высокую гору, с которой виднеется доро-
га в Ставрополь, я обернулся и послал мо-
ему родному аулу последний прощальный
привет.

Примечания:

1 Старшины.

2 Партия.

3 20 копеек серебром.

4 Судилище.

5 Адигами называются кабардинцы,
абадзехи, шапсуги, натухайцы, словом все,
за исключением абадзинцев — племени,
живущего на правом крыле.

Военный сборник. 1867. №3. С. 95-104.